УДК 94(94).02

В. В. Носков

Рецензия на сборник документальных материалов: From St Petersburg to Port Jackson. Russian Travellers' Tales of Australia. 1807–1912 / By K. Windle, E. Govor, A. Massov.

Melbourne: Australian Scholarly, 2016. 291 p.

Сборник, подготовленный к изданию ведущими российскими и австралийскими специалистами по истории двусторонних отношений, состоит преимущественно из переводов материалов, опубликованных на русском языке еще в 1993 г.[1] Вместе с тем, он продолжает традицию издания подобных коллективных трудов, заложенную четверть века назад нашими коллегами из университета штата Квинсленд, и подводит итог совместным исследованиям последнего времени по истории русско-австралийских отношений[2]. Оригинальный сборник подготовили к печати А. Я. Массов, заведующий кафедрой истории и культурологии С.-Петербургского государственного морского технического университета, и Е. В. Говор, научный сотрудник Австралийского национального университета. Появление его австралийской версии стало возможным благодаря усилиям Кевина Уиндла, коллеги Говор по университету.

Публикуемым в сборнике материалам предшествует вводная статья «Австралия глазами русских», представляющая собой существенно переработанный вариант введения, предпосланного русскому изданию книги. Отметив мельком

различия между Австралией и Россией, авторы делают акцент на общих чертах в развитии двух стран. Указав на ведущую роль военного флота в «открытии» Австралии для русских в период от наполеоновских войн до середины 1830-х гг., они подчеркивают, что с самого начала для описаний, составленных моряками, было характерно стремление сравнивать увиденное на Пятом континенте с тем, что было на их родине, причем в пользу австралийских колоний Великобритании. Вместе с тем, русские моряки изначально проявляли интерес к судьбе коренного населения Австралии и стали свидетелями почти полного исчезновения аборигенов на освоенных британскими поселенцами территориях в течение первого двадцатилетия русско-австралийских контактов.

Последовавший после этого длительный перерыв в двусторонних контактах совпал с периодом обострения англо-русских отношений и всплеска русофобии в Великобритании, что самым непосредственным образом сказалось впоследствии на отношении населения ее австралийских колоний к русским визитерам. Ощущение «русской угрозы», впервые проявившееся в начале 1830-х гг., особенно усилилось в годы Крымской войны и сохранялось вплоть до начала XX в.

С начала 1860-х гг. открылась новая эра визитов боевых кораблей русского флота в порты Австралии, продолжавшаяся до кануна русско-японской войны 1904–1905 гг. В то же время расширился круг русских визитеров в Австралию. Вслед за моряками там начали появляться русские туристы, специалисты, командированные различными ведомствами, искатели приключений или лучшей доли на чужбине. Не ограничиваясь прибрежными местностями, русские путешественники стали проникать во внутренние области Австралии. Всё это привело к расширению тематики русских описаний австралийской действительности, которые стали отражать практически все ее аспекты. Вместе с тем, расширялось и жанровое разнообразие этих описаний. В глазах русских наблюдателей Австралия приобретала новый интерес как своего рода социальная лаборатория, в которой вырабатывались эффективные способы решения общественных проблем. Особое внимание в аграрной России привлекали успехи австралийского сельского хозяйства. Даже золотая лихорадка на далеком континенте породила опыт, полезный для русских золотопромышленников.

Вместе с тем, во вступительной статье воспроизводятся некоторые спорные утверждения из введения к первоначальному русскому изданию этих материалов. Прежде всего, трудно согласиться с характеристикой англо-русских отношений в первый период визитов русских кораблей в австралийские порты как «в целом хороших». С известной долей условности эта оценка применима только к самым первым годам после совместной победы над Наполеоном. В 1807–1812 г. Великобритания и Россия находились в состоянии войны, а в 1820-е гг. возобновилось их давнее соперничество на Востоке, вскоре принявшее чрезвычайно острую форму.

Авторы совершенно справедливо отмечают, что в 1860-х гг. посещения австралийских портов русскими кораблями не только возобновились, но и при-

няли регулярный характер. Однако при этом цели этих визитов зачастую интерпретируются неверно и без должного учета контекста англо-русских отношений, характер которых оказывал определяющее влияние на восприятие русских британскими колонистами Австралии. Между тем необходимо иметь в виду, что период от Крымской до кануна русско-японской войны стал временем расцвета крейсерской доктрины русского флота, направленной своим острием против морской торговли Великобритании и ее отдаленных колоний. Уже в 1861 г. морское министерство России разработало разведывательную инструкцию, вменявшую командирам кораблей в обязанность «собирать сведения о колониях и портах других морских держав, степени их важности в стратегическом, торговом и других отношениях, о средствах защиты». Командующему Тихоокеанской эскадрой А. А. Попову прямо предписывалось собирать такие сведения «с указанием на те слабые стороны, на которые возможно им, при удобном случае, нанести малыми силами значительный вред». Первым кораблем русского флота, побывавшим в Австралии после разработки этих инструкций, стал фрегат «Светлана», посетивший зимой 1861/1862 г. Мельбурн. А в начале 1863 г. главные австралийские порты осмотрел сам Попов и офицеры его штаба, прибывшие туда на корвете «Богатырь».

В 1863–1864 гг. разразился острейший международный кризис, порожденный Польским восстанием, который поставил Россию перед угрозой новой войны с англо-французской коалицией. В связи с этим 22 апреля 1863 г. управляющий морским министерством указывал Попову: «В случае открытия войны, прошу вас направить суда вашей эскадры по вашему усмотрению на слабые и уязвимые места неприятельских владений или распределить их на торговых путях для нанесения противнику всевозможного вреда и ущерба». Докладывая в июне 1863 г. императору о том, что начальнику эскадры Тихого океана «разрешено делать нападения целой эскадрой на слабые места неприятельских колоний», Н. К. Краббе представил на его утверждение проект «об отправлении в Атлантический океан особой эскадры для действия против неприятеля по той же системе, которая дана была в руководство эскадре Тихого океана, не стесняя, впрочем, круга ее военной деятельности одним океаном Атлантическим и предоставляя крейсерам, смотря по обстоятельствам, совершать набеги и в другие моря». В инструкции командующему Атлантической эскадрой уточнялось, что ему позволено «переносить театр действий всей эскадры или части ее в Индийский или Восточный океаны». С. С. Лесовскому предписывалось предпринимать в этих водах «нападения на те места неприятельских колониальных владений, которые по вашим соображениям и сведениям, представят вероятие легкой добычи и набег на которые обещает возможность нанести неприятелю чувствительный урон или убыток».

Польский кризис 1863–1864 гг. породил первую «русскую панику» в Австралии, а в последующие десятилетия такие паники регулярно возникали в моменты обострения англо-русских отношений: в 1870–1871, 1876–1878,

1885 гг. В 1870 и 1876 гг. русские крейсера вновь выходили на боевые позиции в соответствии с инструкциями 1863 г., а в 1878 г. был утвержден детальный план крейсерской войны «на случай готовившегося тогда дипломатического разрыва с Англией»[3]. Согласно британским источникам, этот план предусматривал, помимо прочего, атаку на австралийские порты. Во время Афганского кризиса 1885 г. развертывание русских крейсеров осуществлялось уже по иной схеме, но во всех случаях главным театром вероятных военных действий считался Тихий океан. В процессе разработки и обсуждения всех упомянутых выше документов в качестве наиболее вероятной цели русских крейсеров назывались британские владения в Австралии, которые в наибольшей степени отвечали задаче «нападения на слабо защищенные колонии» с целью нанесения неприятелю максимального ущерба.

Все русские корабли, посещавшие порты Австралии в период от начала 1860-х гг. до кануна русско-японской войны, входили в состав крейсерского флота России, созданного в первую очередь для борьбы с британским торговым судоходством и для атаки британских колоний в случае войны с Великобританией. При посещении всех британских портов офицеры кораблей были обязаны собирать информацию военного характера в соответствии с разведывательными инструкциями, которыми были снабжены их командиры. Все русские крейсеры имели также вполне конкретные боевые задания, которые надлежало исполнить по «первому, переданному по телеграфу приказанию».

В связи с этим совершенно непонятно выделение из общей картины как «исключений» визитов корвета «Богатырь» в 1863 г. и кораблей эскадры А. Б. Асланбегова в 1881–1882 гг. «Исключительность» случая с «Богатырем» заключалась разве что в том, что его офицеры более активно занимались разведкой в ходе плавания, предпринятого А. А. Поповым по вероятному театру военных действий в ожидании войны с Великобританией. Эскадра Асланбегова была направлена в дальневосточные воды для демонстрации силы перед Китаем, а после разрешения кризиса в русско-китайских отношениях предприняла плавание по Тихому океану, чтобы «обследовать некоторые пункты, мало известные и весьма редко посещаемые судами». «Исключительность» данного случая заключалась в том, что порожденная приходом кораблей Асланбегова паника действительно не имела никаких оснований, в отличие от «русских паник» 1864, 1871, 1878 и 1885 гг. Но в моменты обострения англо-русских отношений русские корабли не появлялись у берегов Австралии, а находились в боевой готовности на рейдах различных тихоокеанских портов в ожидании известий о начале войны с Великобританией.

Столь же неправомерным представляется выделение визитов корвета «Рында» в 1888 и крейсера «Громобой» в 1901 г. в особую категорию как предпринятых якобы со «строго политическими целями» (следует отметить, что в предисловии к публикации документов, посвященных этим плаваниям, в австралийском издании их политическое значение характеризуется более точно).

«Рында» входила в состав Тихоокеанской эскадры, поэтому маршрут плавания корвета зависел от «усмотрения» ее командующего и «нужд эскадры», корабли которой направлялись в обычное «зимнее плавание»[4]. Сидней и Мельбурн изначально входили в маршрутный лист корвета, а сверх того его командиру было специально предписано «посетить Ньюкэстл, близ Сиднея»[5]. Ньюкасл был главным угольным портом Австралии, но русские корабли там еще не бывали. Рапорты командира «Рынды» Ф. К. Авелана были насыщены информацией военного характера, а описание торжеств, посвященных столетию основания первой британской колонии в Австралии, занимало в них достаточно скромное место. Примечательно, что именно во время плавания «Рынды» в Главном морском штабе России рассматривалась докладная записка, автор которой утверждал: «Защита Австралии далеко не соответствует ее значению. Ни один город не защищен достаточно сильно». Поэтому «берега Австралии представляют для наших крейсеров богатое поле действий». При этом «положение англичан в Австралии весьма неутешительно и эскадра, составленная из наших первоклассных крейсеров, может наделать много, непоправимых долгие годы, бед»[6].

Крейсер «Громобой» направлялся из Кронштадта в Тихий океан и первоначально посещение им Австралии вообще не планировалось. Маршрут был изменен по предложению МИД, который известил морское министерство «о желательности по политическим соображениям командировать в Австралийские воды один из крейсеров Тихоокеанской эскадры для приветствования Герцога и Герцогини Йоркских, при торжественном вступлении их в Сидней и открытии Австралийского парламента»[7]. Во время пребывания в австралийских водах командир крейсера «везде, где только мог, ставил на вид, что он прислан исключительно только для приветствования герцога». А на приеме австралийских деятелей в российском консульстве капитан прямо заявил, что «не будь здесь герцога и герцогини, “Громобой” не был бы в австралийских водах»[8]. Как и в случае с «Рындой», политическое значение этого визита нужно оценивать прежде всего в контексте англо-русских отношений. Оба визита русских кораблей стали событиями в истории русско-австралийских связей просто по факту, но не по своим «политическим целям». В любом случае их политическое значение было невелико и имело второстепенный характер по отношению к основным задачам плавания русских кораблей.

Как и остальные его сослуживцы, командир «Громобоя» имел поручение вести «секретные наблюдения» по пути своего следования. Однако выполнить это задание в данном случае оказалось практически невозможно, поскольку во время пребывания в Австралии офицеры крейсера всё время были на виду и занимались делами, далекими от военной службы. Поэтому на следующий год командиру крейсера «Джигит» было специально поручено посетить порты Австралии, хотя его первоначальный маршрут не предусматривал этого. А в руководство ему давалась секретная инструкция по сбору разведданных, разработанная еще в сентябре 1898 г.[9] Напутствуя командира «Джигита»,

начальник ГМШ обращал его особое внимание на необходимость производить «эти разведки»[10].

Утверждение авторов введения о том, что архивы русского флота не содержат данных о военных замыслах относительно Австралии, не выдерживает критики. Во-первых, поиски в российских архивах еще далеки до завершения. Во-вторых, уже известные документы дают достаточно ясное представление о возможных действиях русских крейсеров в случае войны с Великобританией. В-третьих, опубликованных документов и сведений, приводимых в существующей литературе, тоже вполне достаточно, чтобы понять это.

Комментарии в австралийском издании немного сокращены и стали более качественными, хотя некоторые неточности сохранились и здесь. А. А. Попов действительно посещал Сан-Франциско в 1862 г., но не во главе эскадры (с. 89), принимавшей участие в «Американской экспедиции» русского флота, которая состоялась в 1863–1864 гг. Винтовка Баранова не получила широкого распространения (с. 140). Хотя она и была принята на вооружение русского флота в 1869 г., но дело ограничилось изготовлением одной опытной партии, а уже со следующего года ее начали постепенно заменять более современным оружием. Сбором информации занимался не экипаж (с. 184 и 185), а только офицеры кораблей. Как минимум одна новая ошибка появилась в комментариях к австралийской версии сборника: моряк Тимофеевский не ошибся, назвав все корабли эскадры Асланбегова «крейсерами» (с. 172), поскольку они и были таковыми по своему назначению. А по классификации 1892 г. все клиперы были официально отнесены к классу крейсеров 2-го ранга. К сожалению, в комментариях отсутствует информация о некоторых важных персонажах и не дается характеристики периодических изданий с точки зрения их надежности как исторических источников. Например, если бы читатель мог узнать, кто такой Н. А. Рыкачев и какую политику он проводил на посту редактора «Кронштадтского вестника», он бы лучше понимал, насколько можно доверять той информации, которая появлялась на страницах газеты.

Сборник включает в себя как архивные материалы (здесь они отмечены особо), так и фрагменты опубликованных преимущественно в дореволюционных изданиях сочинений. Структуру сборника определяют подходы, сформулированные составителями во вводной статье. Первый блок материалов посвящен самым ранним плаваниям русских кораблей к берегам Пятого континента и включает в себя: донесение командира шлюпа «Нева» лейтенанта Л. А. Гагемейстера о посещении Порт-Джексона в 1807 г. (Государственный архив Пермской области); фрагмент из путевого дневника штурмана корабля Российско-Американской компании «Суворов» А. Российского о посещении Новой Голландии в 1814 г.; извлечения из записок командира шлюпа «Открытие» капитан-лейтенанта М. Н. Васильева о заходе в Порт-Джексон в 1820 г. (РГА ВМФ); «Минералогические замечания» натуралиста экспедиции М. Н. Васильева — Г. С. Шишмарева — Ф. В. Штейна; главу из рукописи астронома И. М. Симо-

нова, посвященную пребыванию шлюпов «Восток» и «Мирный» в Австралии (Отдел рукописей библиотеки Казанского университета); фрагмент из путевого журнала переводчика на шлюпе «Аполлон» А. П. Шабельского о посещении Пятого континента в 1822 г.; главу из книги «Плавание вокруг света на шлюпе “Ладога”» командира корабля капитан-лейтенанта А. П. Лазарева и фрагменты из воспоминаний мичмана фрегата «Крейсер» Д. И. Завалишина «Австралия и Полинезия», а также из его очерка «Кругосветное плавание фрегата “Крейсер”», в которых повествуется о первом посещении русскими кораблями Тасмании в 1823 г.; выдержки из «Записок» мичмана Е. А. Беренса, посвященные пребыванию транспорта «Кроткий» в Порт-Джексоне в 1829 г. В этом разделе публикуются также новые материалы: извлечения из описания плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» руководителя экспедиции капитана 2-го ранга Ф. Ф. Беллинсгаузена и выдержка из письма лейтенанта М. К. Кюхельбекера о посещении Новой Голландии в 1822 г. (Отдел рукописей РГБ).

Соглашаясь с логикой построения первого раздела, остальные материалы хотелось бы представить в ином порядке по сравнению с тем, как они расположены в рецензируемом сборнике. Прежде всего, необходимо рассмотреть в комплексе все материалы, относящиеся к плаваниям русских крейсеров к берегам Австралии за весь период от 1862 до 1901 г. Из числа опубликованных в сборнике к этой категории относятся такие документы, как: извлечения из корабельного медицинского журнала врача фрегата «Светлана» Д. В. Мерцалова о посещении Мельбурна в 1861 г.; выдержки из рапорта начальника эскадры Тихого океана контр-адмирала А. А. Попова от 1 июня 1863 г. о посещении Мельбурна на корвете «Богатырь», а также из «Заметок об Австралии» флагофицера адмирала капитан-лейтенанта А. М. Линдена и из очерков мичмана П. С. Муханова «Австралия» (Отдел рукописей РНБ) и «Сидней». Следующая группа материалов включает извлечения из газетной корреспонденции лейтенанта В. М. Линдена о посещении Аделаиды в 1870 г. корветом «Боярин», который стал первым русским судном в этом австралийском порту, и из его очерков о пребывании «Боярина» в Тасмании. В австралийском издании составители добавили в этот раздел анонимную статью из «Кронштадтского вестника» об Аделаиде.

«Крейсерскую» тему продолжает подборка материалов о неожиданной «русской панике», порожденной пребыванием в австралийских водах эскадры контр-адмирала А. Б. Асланбегова в 1881–1882 гг., которая включает рапорт командующего от 11 июня 1882 г. о посещении портов Австралии, а также его письмо губернатору колонии Виктория от 7 (19) февраля 1882 г. (РГА ВМФ); фрагменты из книги мичмана В. Ф. Руднева «Кругосветное плавание крейсера “Африка”»; извлечение из санитарного обзора судового врача клипера «Пластун» М. В. Смирнова; сокращенный вариант статьи издателя «Кронштадтского вестника» Н. А. Рыкачева «Напрасная тревога в Мельбурне». В австралийском издании этот раздел дополнен очерком «Мельбурн» старшего штурмана клипера

«Вестник» Ф. А. Тимофеевского, опубликованным в той же газете много лет спустя. Вслед за тем публикуются выдержки из «Описания портов Австралии, Тасмании, Новой Зеландии, Новой Каледонии и Новой Гвинеи, составленного во время плавания клипера "Вестник" в 1886 г.» капитаном 2-го ранга В. И. Лангом (публикация сверена с оригиналом, хранящимся в РГА ВМФ)[11].

Логика развития военно-морской темы требует ознакомиться далее с извлечениями из рапорта командира корвета «Рында» капитана 1-го ранга Ф. К. Авелана от 4 (16) февраля 1888 г., которые искусственно объединены в один раздел с донесением о плавании крейсера «Громобой» тринадцать лет спустя. Затем необходимо вернуться к извлечениям из рапортов командиров крейсеров 2-го ранга «Разбойник» и «Крейсер», капитанов 2-го ранга П. П. Ухтомского от 17 (29) апреля 1893 г. о единственном посещении Порт-Дарвина русским кораблем и Н. И. Небогатова от 8 (20) апреля 1894 г. о пребывании в Мельбурне (РГА ВМФ)[12]. Завершают тему извлечения из рапорта командира крейсера 1-го ранга «Громобой» капитана 1-го ранга К. П. Иессена от 12 (25) мая 1901 г., которому довелось присутствовать на открытии первого федерального парламента Австралии. Таким образом, русские моряки стали очевидцами рождения единого Австралийского Союза, пришедшего на смену конгломерату разрозненных британских колоний на Пятом континенте. Такому исходу во многом способствовала «русская угроза», порожденная крейсерским флотом России, которая на протяжении почти полувека постоянно ощущалась британскими колонистами и сыграла не последнюю роль в их стремлении к созданию единого государства[13].

Остальные материалы сборника сами по себе складываются в особый раздел, состоящий из путевых очерков, разбросанных по разным местам книги. Первой в этом ряду стоит глава из книги Э. Р. Циммермана «Путешествие по Австралии и Океании», посвященная поездке вглубь континента в 1881 г. (при написании вводного очерка использована автобиография автора, хранящаяся в рукописном отделе Института русской литературы РАН). Затем следуют фрагменты из путевых очерков С. В. Витковской «Кругом земли» о посещении австралийских колоний в ходе кругосветного путешествия, предпринятого ею в 1896 г. в компании с братом — военным юристом. Последующие русские визитеры посещали уже не отдельные колонии, а единый Австралийский Союз, но этот переход из одного государственного состояния в другое составителями сборника не акцентирован должным образом. Этому периоду посвящены фрагменты из книги чиновника департамента земледелия Н. А. Крюкова «Австралия. Сельское хозяйство Австралии в связи с общим развитием страны», в которой изложены его впечатления о пребывании на Пятом континенте во время своей командировки в 1902–1903 гг. Путевую тему продолжают фрагменты из дневника чиновника особых поручений министерства народного просвещения А. Л. Ященко, который он вел во время своей командировки в 1903 г. и который при публикации был озаглавлен «Путешествие по Австралии». К этим сочинениям примыкает рассказ Р. И. Глана, побывавшего в Австралии неза-

долго до Первой мировой войны, который необоснованно объединен составителями со стихами К. Д. Бальмонта в единый раздел под названием «Русские романтики в Южных морях».

Стихотворения Бальмонта, написанные по мотивам его путешествия по странам Южных морей в 1912 г., стоят совершенно особняком в русской литературе об Австралии и вполне заслуживают того, чтобы быть представленными читателям как уникальное явление, не нуждающееся ни в какой типизации. Они достойно завершают корпус публикуемых материалов, но ставят скорее не финальную точку, а многоточие, приглашающее к дальнейшим поискам литературных образов Австралии, созданных русскими писателями. Следует отметить подстрочный перевод стихотворений, выполненный Дэвидом Уэллсом. Хотя чеканная ритмика бальмонтовского стиха совершенно теряется в его изложении, трудно представить, как еще можно было бы передать по-английски созданные русским поэтом поэтические образы. Прекрасная, хотя и очень нелегкая работа австралийских переводчиков, чьи работы опубликованы в рецензируемом сборнике, — Джона Мак-Нэйра, Фрэнка Дебенхэма, Верити Фицхардинг, Томаса Пула, Питера Тилли и Кевина Уиндла, — должна вызвать особую благодарность англоязычных читателей, получивших еще одну возможность приобщиться к малоизвестным сторонам русской культуры.

Подводя итог, можно заключить, что каждый из материалов, опубликованных в рецензируемом сборнике, сам по себе представляет несомненный интерес, особенно для читателей, мало знакомых со специальной и художественной литературой на русском языке. Англоязычной версии сборника предшествует обновленное введение, а также пояснения по переводу терминов, транслитерации имен собственных и пересчету различных единиц измерения, что облегчит австралийским читателям понимание публикуемых текстов. В австралийском издании опубликован также целый ряд новых интересных материалов, отсутствующих в первоначальном русском издании, и появился именной указатель, которого не было в оригинальной русской версии. Существенно обновлен иллюстративный ряд, при этом качество иллюстраций стало гораздо выше.

Публикация этого сборника завершает большой период в развитии историографии истории русско-австралийских связей. Вместе с тем, она может стать отправной точкой для подготовки целой серии подобного рода сборников, основанных на более широкой документальной базе и с учетом исследовательской литературы последних лет. Как показывает анализ содержания данного сборника, наиболее перспективным направлением остается публикация документов из Российского государственного архива военно-морского флота, снабженных подробными комментариями с использованием инструкций, полученных командирами кораблей, и планов их плаваний, а также полных отчетов об их пребывании в австралийских портах.

[1] Российские моряки и путешественники в Австралии / Сост.: Е. В. Говор и А. Я. Массов. М.: Наука; Восточная литература, 1993.

[2] См.: Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations / Ed. by J. McNair and T. Poole. St. Lucia: University of Queensland Press, 1992; Австралия в русском восприятии 1807–2007. Впечатления, образы, идеи / Сост. И. Н. Васильева-Южина. М.: Рудомино, 2007; Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807–2007 / Ed. by A. Massov, J. McNair and T. Poole. Adelaide: Crawford House Publishing; 2007 (рец.: Восток. 2009. № 6. С. 188–190); Российская консульская служба в Австралии. 1857–1917 г. Сб. документов / Сост.: А. Я. Массов и М. Поллард. М.: Международные отношения, 2014 (рец.: Восток. 2015. № 3. С. 197–199); Санкт-Петербург — Австралия / Под ред. А. Я. Массова. СПб.: Европейский Дом, 2014 (рец.: Восток. 2016. № 2. С. 208–211).

[3] Н. М. Чихачев — П. А. Безобразову, 10 сентября 1888 // Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. № 408. Л. 18.

[4] И. А. Шестаков — А. А. Корнилову, 10 августа 1887 // Там же. № 308. Л. 142.

[5] П. П. Тыртов — А. А. Корнилову, 15 октября 1887 // Там же. Л. 225.

[6] Е. И Шванк — А. Н. Корфу, 20 декабря 1887 // Там же. № 296. Л. 15–19.

[7] В. Н. Ламздорф — П. П. Тыртову, 5 ноября 1900 // Там же. № 2282. Л. 1.

[8] Донесение Н. П. Пассека, 4 (17) июня 1901 // Российская консульская служба в Австралии. С. 177–180.

[9] См.: ГМШ — командиру крейсера 2 ранга «Разбойник», 10 сентября 1898 // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. № 2592. Л. 9 об. — 10.

[10] ГМШ — командиру крейсера 2-го ранга «Джигит», 20 сентября 1902 // Там же. Л. 18 — 19 об.

[11] Примечательно, что старания Ланга по сбору информации были признаны недостаточными. «Вестник» был в австралийских портах, «подробные сведения о которых чрезвычайно важны для Морского министерства», говорилось в предписании Главного морского штаба командующему отрядом судов в Тихом океане от 6 сентября 1886 г. Между тем, командир клипера «не воспользовался удобным случаем для собрания сведений по военно-морской части», поэтому необходимо «поставить на вид капит. 2 ранга Лангу, что получаемые инструкции должны выполняться с полною тщательностью, в противном случае плавания и заходы в такие порта делаются бесполезными» (Там же. № 119. Л. 73 — 73 об.).

[12] Публикуемый рапорт Н. И. Небогатова предстает в несколько ином свете, если принять во внимание докладную записку «Плавание крейсера 2 ранга “Крейсер” в 1894 году», в которой говорилось, что Соломоновы и другие острова в западной части Тихого океана «могут до некоторой степени служить опорным базисом для крейсерских операций, особенно против богатых английских колоний Австралазии и могут распространить район действия крейсеров на оба океана, омывающих берега Азии, Африки и Австралии» (Там же. № 1110. Л. 107).

[13] Более подробно все эти сюжеты рассмотрены в моей статье: *Носков В. В.* Русские крейсера и становление Австралийской государственности // Санкт-Петербург — Австралия. С. 21–109.

Носков Владимир Витальевич — д.и.н., профессор, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН.
Noskov Vladimir Vitaljevich — Doctor of Sciences (History), head of the Department of General history of the St Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences.
E-mail: vvnoskov@yahoo.com